

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-317-331

УДК: 81'01

ЭТНОГОНИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Проскурин Сергей Геннадьевич,

*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры межкультурной коммуникации
Гуманитарного института Новосибирского национального
исследовательского государственного университета;
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1;
профессор кафедры иностранных языков
факультета гуманитарного образования
Новосибирского государственного технического университета,
Россия, 630073, г. Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20
ORCID: 0000-0001-7244-264X
s.proskurin@mail.ru*

Проскурина Анна Вячеславовна,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета гуманитарного образования
Новосибирского государственного технического университета,
Россия, 630073, г. Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20
ORCID: 0000-0001-9026-2511
a.vyacheslavovna@gmail.com*

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются тексты индоевропейской традиции, излагающие мифы о происхождении народов. Так, сегмент англосаксонского рунического ряда коррелирует с описанием Тацита о происхождении племени ингевонов. В результате реконструируются параметры этнически производного текста, который объясняет выбор очередности рун англосаксонского футорка. Восстанавливаемый текст свидетельствует, что ингевоны, имевшие божество-тотем Инга, проживали на берегу Океана, и это была их Родина. Этногонические тексты так же рассказывают о корреляции тотема и этнонима в минувших эпохах. Объясняется германское влияние на выбор этнонима Русь, определяемого аллитерационной связью названия страны с именем Рюриковичей. Сами Рюриковичи происходили от имени племени Rhos.

Многие этногонические тексты связаны с ритуалами жертвоприношения. В этом контексте интерес представляет имя Италия, берущее свое происхождение в текстах жертвоприношений высокого сакрального стиля.

Анализируется одна из индоевропейских надписей на лузитанском языке, написанная в высоком стиле и связываемая с происхождением племени Веаминикори. Выбор имен сакральных животных лузитанской надписи противопоставляется профанным именам латинской молитвы богу Марсу. Молитва *suouetaurilia* свидетельствует о репертуаре жертвенных текстов, где фигурируют молочные животные. В результате становится понятным, что имя *Italica* является производным от имени *utulus* в высоком сакральном стиле.

Таким образом, раскрываются тематические контуры индоевропейских текстов, содержащих этногонические мифы о происхождении народов. Границы между культурами стираются, и на передний план выходит индоевропейский прототекст, давший толчок генезису этнонимов, наименованию тотемов, а также имен собственных племенных вождей. В процессе анализа регистрируются результаты анализа происхождения наименования этносов и стран. В основе лежит этнокультурная методология анализа этногонических текстов. Тематическая составляющая – это тексты происхождения, а также тексты, связанные с ритуалом жертвоприношения. Процесс этногенеза ассоциируется с мифами и этническими ритуалами.

Ключевые слова: этногонический текст, миф о происхождении, контекст, культура, этноним, ритуал, этнос.

Библиографическое описание для цитирования:

Проскурин С.Г., Проскурина А.В. Этногонические тексты в индоевропейской традиции // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 1, ч. 2. – С. 317–331. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-317-331.

В процессе генезиса этносов в традициях индоевропейского прошлого регистрируются этногонические тексты, проливающие свет на происхождение германских народов. Так, нами фиксируется сегмент англосаксонского рунического ряда, который свидетельствует о происхождении ингевонов. Кроме того, опираясь на текст Тацита «Германия», можно реконструировать вероятные германские песнопения, которые оформляются в форме тул.

Согласно нашей основной гипотезе, в основе англосаксонского ряда лежит принцип этнической производности, поскольку сам ряд разрабатывался на основе более древнего футарка. Графически инновации напоминают элементы старшего рунического ряда. Например, руна *aesk* ᚱ употреблялась для обозначения ясеня, тогда как в футарке она обозначала «Одина». Ключевым положением англосаксонского ряда представляется мена 23-го и 24-го знака для рун, поскольку, по мнению создателя англосаксонского футарка, именно последовательность 20, 21, 22, 23 и 24-й рун представлялась ему более обоснованной. В рунической записи эта последовательность выглядела так: ᚱ + ᚱ + ᚫ + ᚷ. Отмеченный сегмент согласуется по смыслу с глубинными темами этногонического мифа древнегерманских

народов. Текст Тацита дает возможность восстановить «прототекст» о происхождении германских народов: «В древних песнопениях, – а германцам известен только один этот вид повествования о былом и только такие анналы, – они славят порожденного землей бога Туистона. Его сын Манн – прародитель и праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по именам которых обитающие близ Океана прозываются ингевонами, посередине – гермионами, все прочие – истевонами» [6].

Нами изначально реконструируется протостих тулы: **Ingui- *Ermin Teuz- *Istmas*. Этот прототекст учитывает древнегерманский принцип стихосложения и особенности жанра тулы. В нем перечисляются божества-тотемы трех племен германцев. Три племени германцев образовывали важный сегмент в рамках культурной темы тулы-песнопения.

Культурные переносы информации находят воплощение в древнейшей германской поэтической традиции, в жанре тулы, что представляет собой аллитерационное перечисление имен. Композиция тулы строится по циклическому принципу, определяемому длительностью человеческой жизни. Цикличность же равна эпохе, или др.-исл. *verpld* / др. англ. *weorold* ‘мир’. *Verpld* / *weorold* ‘человек + время’ включает в себе два взаимосвязанных плана: поколение (возраст) и большой космический цикл (эпоха). Содержание тулы представлено в виде генеалогического перечисления имен. Такая хронологическая последовательность создавалась по возрастанию (А + В + В + ...). Повествование начиналось со времени создания тулы и возводилось к древнегерманскому божеству Одину (Wōden):

*Cynric Cerdecing, Cerdic Elesing,
Elesa Esling, Elsa Gewising,
Genis Wiging, Wig Freawing,
Freawine Fridugaring, Fridugar Bronding,
Brond Baeldaeging, Baeldaeg Wodening.*

Информация о жизни общества хранилась в подобных перечнях и передавалась из поколения в поколение. Как будет показано ниже, подобные тулы не только коррелировали с именем древнегерманского верховного божества, но и соотносились по линии «тотем – этноним». Существовали определенные законы передачи информации в синтагматике и парадигматике тулы.

А теперь вернемся к этногоническому мифу о происхождении ингевонов. Роль мифологического прародителя **Mannaꝥ* находит отражение в некоторых легендах скандинавской мифологии (например, в мифе о первочеловеке – великане *Ymir*). Для нас же специфический интерес представляет согласование основных фрагментов мифа о прародителе с синтагмой 20–23 из англосаксонского ряда.

Текст мифа, реконструируемый в его наиболее важном моменте – именах собственных, отражает специфику расселения, а значит, и набор элементов в последовательности третьей семьи рун: 20 – *Man* «первочеловек»; 21 – *lagu* «вода»; 22 – *Ing* «Инг» (один из сыновей Манна); *Eðel* 'Родина' (место рождения). Итак, основные элементы мифа полностью согласуются с принятой англосаксами последовательностью рун. За элементами ряда устанавливается отличный от общегерманского принцип расположения рун в синтагмах: принцип цикла замещается в англосаксонском ряду принципом этнокультурного кода, играющего ведущую роль в экспликации последовательности рун. Предположим, что эта синтагма отражала некоторые историко-культурные черты происхождения племени ингвеонов, расселенных ближе к морю, воде.

В «Рунической поэме» (здесь и далее контексты приводятся по [8], перевод наш. – С. П. и А. П.) в стихе о *man* «человеке» говорится:

Man byr on myrgþe his magan leof:
sceal þeah anra gehwylc oðrum swican,
forðum drihten wyle dome sine
þæt earme flæsc eorþan betæcan.

«Человек в радости любим своими соплеменниками. Должен, однако, один другого оставлять, потому что по Божьей воле заповедовано его бедное тело предать земле». (Сравните мотив «человек – земля» в мифе и поэме).

21-я руна англосаксонского ряда Γ «вода», согласно нашей гипотезе, расположена на месте, которое обусловлено синтагмой «вода» – «Инг», и само положение этой руны отражается в мифе о ингвеонских племенах – побережье океана (см. [3, с. 47]). Скандинавские тексты доносят четкие соответствия этой руны по форме (*logr*) и семантике («поток воды»). В готском этимологическом словаре В. Лемана гот. *laas* трактуется по аналогии с руническим именем из футарка *daaz*, т. е. *daaz* – *dagz*. Отсюда выводится *laas* – **lagaz* [11, р. 224]. Нельзя не упомянуть и другие мнения, которые, в общем, исходят из переименования этой руны. По гипотезе В. Краузе, имя этой руны восходит к общегерманскому **laukaz* (др.-исл. *laukr*). Рунолог исходит из анализа, основанного на филологической методике (*runica manuscripta*), где наряду с вторичной, по его мнению, формой *logr* встречается несколько случаев написания *laukr* «лук», что интерпретируется им как первичная и общегерманская форма. Такую вероятность нельзя исключить. Однако для нашего анализа как раз имеет значимость то, что руна является этнически производной, то есть ее семантический контекст опирается на местные, глубоко специфические англосаксонские представления.

В. Краузе опирается на мифологический контекст «Эдды», где лук называется в числе первых растений, появившихся на земле. В мифологии ин-

доевропейских народов лук составлял атрибут фаллического культа. Наконец, в-третьих, гипотеза В. Краузе указывает еще на один весьма убедительный аргумент: среди трех самых известных «сакральных слов» в рунах имеется и лексема *laukar* «лук». Эта лексема имеет бесспорную этимологию (ср. др.-англ. *leac*, ср.-нидерл. *look*, др.-верх.-нем. *loub*) и обнаруживает прочную связь с внеруническим ритуалом [4, с. 47]. В общем, гипотеза В. Краузе об ином концепте 21-й руны в общегерманском ряде не противоречит нашему предположению о семантической связи мифа и синтагмы. Как полагает Р. Пейдж, древнеанглийская и скандинавская формы – христианские замены (*Christian replacements*), вызванные сильными языческими коннотациями **laukaʒ* [12, p. 83]. Наш взгляд на проблему (близкий В. Краузе) позволяет отказаться от подчеркивания какой-либо роли системных мировоззренческих факторов в данной замене и объяснить вариации в имени руны их этнически производным характером.

Синтагма 20–23 англосаксонского ряда нацелена на экспликацию основных моментов этногонического мифа ингвеонов. Отсюда ряд футарка, который, по-видимому, изначально включал в себя индоевропейские пэттерны (движимое / недвижимое имущество), флукуирует в сторону ингвеонских представлений. Согласно изученным древнеанглийским источникам, в англосаксонской традиции, по крайней мере, нет ни одного свидетельства использования какого-либо другого рунического имени, кроме *lagu* «вода».

Lagu byþ leodum langsum gefuht,
gif hi sculun neþan on nacan tealtum
and hi sæyfa swyfe bregaþ
and se brimhengest bridles ne gym[ed].

В англосаксонской «Рунической поэме» расшифровывается: «Вода кажется бескрайней людям, если им приведется в лодке раскачиваться и морские волны разрезать, и не помнить об узде морского коня».

Руна \diamond *Ing* — герой Инг (сын Манна, первый из племени ингвеонов). Естественно, мы не находим параллели уникальному представлению племени ингвеонов — герою Ингу в скандинавских текстах. Благодаря реконструкции германского стихотворного прототекста мы восстанавливаем три германских героических имени **Ing* — **Ermin* — **Istwas*. Бесспорно, *Ing* — одна из легендарных фигур восточногерманских племен. В англосаксонской поэме сказано:

Ing wæs ærest mid East-Denum
gesewen secgun, oþ he siððan est
ofer wæg gewat; wæn æfter ran;
ðus Heardingas ðone hæle nemdun.

«Инга видели сначала люди у восточных данов, до момента, когда он отправился на восток (иногда читают *eft* “обратно”) через море. Его колесница следовала за ним. Так из-за этого Хеардинги прозвали его героем». Заметим, что даны в эпосе «Беовульф» называются *Ingvine*, «друзья (любимцы Инга)». *Ingvine*, вероятно, и были те самые *Ingaevones* (по *Germania: Ingaevones*), которых Тацит выделяет как германскую племенную группу, жившую ближе всех других племен к морю (др.-англ. *lagu*). Другая импликация в стихотворении об Инге – это указание на колесницу (*vaen*), которая сопровождала героя в плавании. Этот эпизод переключается с германским ритуалом, описанным у Тацита и посвященным богине *Nerthus* (ср. др.-исл. *Njörðr* – бог богатства и плодородия, отец Фрейра), во время которого колесница божества двигалась, пробираясь через толпу собравшихся. Снорри Стурлусон уже в период авторской германской литературы сообщает о своем втором имени по предкам – *Yngvi*. Возможно, данные свидетельства побудили В. Краузе к реконструкции общегерманской праформы *Inguas* – «божество плодородия». Такая реконструкция на основе этнически производного имени руны кажется нам очень вероятной. Индоевропейский мир знает много этнонимов, а также имен героев отдельных племен, названия которых восходят к божеству, которому поклонялось племя, но которое также признавалось соседями, ср. греческий культ Афины.

В руне \mathfrak{X} , занимающей 23-е место в реконструкции по «Рунической поэме», на первый план выходит значение «земля», «родной дом», «родина», а не «недвижимое имущество», как указывалось в циклическом футарке. Это видно по контексту поэмы. В футарке эта руна занимала 24-ю позицию.

Уже в самых ранних алфавитных надписях (к примеру, брактеатах из Вадстены и Грумпана) мы можем наблюдать флуктуации в общей циклической схеме, которые порой трудно обосновать чисто технологическими просчетами (особенно трудно это предположить по брактеату из Грумпана с концовкой *m, l, n, a, d*). Заметим, что автор текста англосаксонской «Рунической поэмы» как бы наследует пэттерн Грумпана и ставит на 23-е место руны \mathfrak{X} . Реконструкция по методу «параллельного ряда», проведенная нами путем сопоставления цепочки имен рун 20–23 футарка, а также концептуализации мифа о происхождении германских народов, позволяет соотнести базовые черты этногонического мифа (рожденный от первочеловека Манна сын Инг является героем племени ингов, которые проживали на побережье океана на родине в доме предков) с синтагмой англосаксонского ряда *man – lagu – ing – edel* букв. «Манн (Перво)человек – море – Инг – родина». Кстати, даже такой проницательный аналитик англосаксонских рунических текстов, как Р. Пейдж, пренебрегает последовательностью рунического ряда в англосаксонской поэме, отводя руны \mathfrak{X} *edel* привычную для нее 24-ю позицию [12, р. 84]. Такой крен в сторону обще-

германского паттерна не соответствует последовательности стихов в манускриптах, а также текстовому значению имени руны в поэме («Родина – дом предков»):

Eþel byþ oferleof æghwylcum men,
gif he mot ðær rihtes and gerysena on
brucan on bolde bleadum oftast.

«Дом предков дорог каждому человеку, если он может в своем доме наслаждаться в вечном процветании тем, что праведно и порядочно».

Наблюдается корреляция имени собственного Инга и названия племени ингевонов. До появления письменности были актуальны формы культурной памяти, идентичность индивидуума была тождественна идентичности этноса. Вероятно, что потребность в кодификации через имитацию звуками являлась предшественницей появления алфавитов, поскольку семиотика имени – это предварительный этап поиска экономии речи. Как отмечает Д. Кристал (см. [10, р. 32]), у англосаксонского нобилитета, носившего кельтские имена, имена собственные были созвучны с этнонимом *Cymro* «валлиец»: *Caedwalla*, *Caedda*, *Cedd*, *Ceanlin*, *Cerdic*, *Cumbra*.

Так, имена англосаксонских аристократов совпадают с начальным согласным этнонима «валлиец», выбор которого оказывался неслучайным (здесь и далее контексты приводятся по: [7], перевод наш. – С. П. и А. П.): 519 г. *Her Cerdic 7 Cynric: Westsexena rice onfengun on þy ilcan geara hie fubton wif Brettas þar mon nu nemneþ Cerdicesford: 7 sibþan ricsadan Westsexana cynebearn of þan dæge* («Здесь Кердик и Кюнрик наследовали королевство западных саксов; и в этом же году они сражались против бриттов там, где сейчас это место именуется Кердиксфорд. И с этого времени королевский отпрыск западных Саксов правил»). Вероятно, как это можно заключить из контекста, речь шла об этническом смешении германцев и кельтов. 560 г. *Her Ceanlin feng to rice on Wesseaxum* <...> («Здесь Кевлин наследовал Уэссекс <...>»); 643 г. *Her Cenwalh feng to Wesseaxna rice 7 heold .xxxxi. wintra* <...> («Здесь Кенвальх наследовал королевство Уэссекс и правил 31 год <...>»); 709 г. <...> *7 Ceolred feng to Myrcna rice* <...> («<...> и король Кеолред наследовал королевство Мерсия <...>»).

В науке давно ощущается связь имен собственных и названий племен. К. Леви-Стросс заметил, что «...индивидуальные названия зависят от той же системы, что и коллективные названия, прежде нами изученные, и что посредством них можно перейти с помощью преобразований от горизонта индивидуации к горизонту наиболее общих категорий. Действительно, каждый клан или субклан обладает определенным количеством имен, носить которые предоставлено его членам, и раз индивид – часть группы, то индивидуальное имя – это часть коллективного названия» [2, с. 361].

Согласно аллитерационному перечню имен англосаксонских королей, в трех королевствах (*Ēast Engla Rīce* (королевство Восточной Англии), *Ēast Seaxna Rīce* (королевство Эссекс), *Westseaxna Rīce* (королевство Уэссекс)) поддерживается аллитерация между именем правителя и названием его королевства: *Anna, Aethelbere, Aldulf* <...> – *Ēast Engla Rīce*; *Seaxnete, Swaefpa, Sigefugel* <...> – *Ēast Seaxna Rīce*; *Aedmund, Aelfred, Aelfgiva* <...> – *Westseaxna Rīce*.

Возможность связывания генеалогии в последовательности с аллитерацией представляется важной в синтагматическом и парадигматическом ключе. Последовательность имен в синтагматике взаимодействовала с этнонимами в парадигматике при помощи аллитерации. Например, в Нортумбрии жили англ. Возможно, этот факт повлиял на имена королей, начинающиеся с гласной «А», которые связываются в парадигматике с названием этноса *Angelcynn*. Тулы имели историческое значение, то есть являлись живой историей англосаксонских королевств, поскольку их функция обеспечивалась за счет передачи информации из поколения в поколение.

Парадигматический перенос фонетических маркеров в именах англосаксонских аристократов в диахронии коррелирует с названиями королевств. Здесь актуализируется традиционный вид связи «имя собственное – тотем». Возможно, что скандинавские корни корреляции имен «*Rhos – Рюрик*» могли послужить тем фактором, который повлиял на выбор этнонима «Русь». С современной точки зрения, как пишет академик Ю.С. Степанов, нет, однако, никакой необходимости рассматривать это имя восточных славян как данное им германцами. Скорее всего семиотическая параллель германского имени Рюрик и этнонима *Rhos*, то есть племени из числа шведов, послужила в качестве фактора, повлиявшего на выбор термина «Русь», который изначально связывался с Северным новгородским центром: «Постепенно он продвигался на Юг и закрепился в южном Киевском центре, постепенно превращаясь в этнический термин для обозначения всего населения этой земли и государственный термин» [5, с. 152]. Как реликт германского правила имя собственное и название Руси сохраняют аллитерационное соотношение династии Рюриковичей с именем Русь.

Иногда название страны, такое, например, как Италия, коррелирует с жертвенным ритуалом. Возьмем представляющую интерес в этом отношении надпись из Ламаш ди Моледу (Португалия), написанную на лузитанском языке. В этом тексте имя племени *Veaminicori* представлено в контексте ритуальной жертвы ягненка и поросенка.

RVFINVS.ET
TIRO SCRIP/SERVNT
VEAMINICORI

DOENTI
 ANGOM
 LAMATICOM
 CROVCEAIMAGA
 REAICOI.PETRANIOI.T
 ADOM.PORGOM IOVEAI
 CAELOBRIGOI [9, p. 3].

Лузитанский язык известен по серии надписей с запада Пиренейского полуострова. Записи датируются I в. нашей эры. Первые четыре слова прочитываются на латинском как «Руфинус и Тиро написали». В тексте речь идет о жертвоприношении молодых молочных животных. Нами может быть установлен сакральный пласт названия этих существ. В более поздней молитве богу Марсу на латинском языке имплицирован сакральный ряд молодых молочных животных *agnus, porcus, uitulus*. В процессе анализа латинской молитвы нами была установлена дуальность в номинации жертвенных животных. Так, сама молитва носит название *suouetaurilia* и доносит до нас профанные имена взрослых жертвенных животных. В контексте же жертвоприношения они сакрализуются и подразумеваются как объекты высокого стиля. Оказывается, что лузитанская надпись и латинская молитва представляют собой тексты разного стилистического регистра.

I Mars pater te precor quaesoque
 Uti sies uolens propitius
 Mihi domo familiaeque nostrae:
 Quoius rei ergo
 Agrum terram fundumque meum
 Suouitaurilia circumagi iussi
 II uti tu
 Morbos uisos inuisosque
 Uiduertatem uastitudinemque
 calamitates intemperiasque
 prohibebis defendas auerruncesque
 III utique tu
 fruges frumenta uineta uirgultaque
 grandire (du)eneque euenire siris
 pastores pecuaque salua seruassis
 duisque (du)onam salutem ualetudinemque
 mihi domo familiaeque nostrae
 IV harunce rerum ergo
 fundi terrae agrique mei

lustrandi lustrique faciendi ergo
sicuti dixi
macte hisce suouitaurilibus lactentibus immolandis esto
Mars pater eiusdem rei ergo
Macte hisce suouitaurilibus lactentibus esto [13, p. 199–200].

Как пишет Э. Бенвенист, «здесь описывается жертвоприношение, называемое *su-oue-aurilia* ... которое обнажает глубокую социальную символику. Ни выбор, ни природа жертвенных животных не являются случайными. Все три животных здесь символические: *свинья* посвящена божеству земли Церере, она связана с плодородием почвы; бык по традиции посвящен Юпитеру, Зевсу; это самые священные и предназначенные для торжественных случаев жертвенные животные, их пастырями выступали жрецы могучих богов. Кроме этих двух, часто, если не постоянно приносимых в жертву существ, *баран, овен* – животное воинов. Здесь представлены все три общественных класса, символизируемые этими животными, что и дает ключ к обряду освящений. Жертва, называемая *suouetaurilia*, аллегорически объединяет три социальных слоя, которые этим торжественным ритуалом и передаются под покровительство призываемого могучего бога – *Марса*; таким образом, на обряде символически представлено все общество» [1, с. 333].

В индоевропейской традиции имеется два имени для животного: профанное и сакральное. Приступая к жертвоприношению, владелец земельного участка, согласно Катону, должен был произнести следующие слова: «*suouitaurilibus lactentibus esto*». Это молитва, обращенная к Марсу, чтобы он принял трех совсем молодых молочных животных. Молитва произносилась еще раз в следующем виде: «*Mars, pater, eiusdem rei ergo macte hisce suouitaurilibus lactentibus esto*» («Отец Марс, во имя этого же будь славен вот этим жертвоприношением молодых животных»). Затем Катон продолжает: «*ubi porcum immolabis, agnum vitulumque oportet*» («Когда ты совершишь заклание *porcus, agnus* и *vitulus* необходимо будет»). Сравним термины молитвы *sus, ovis* и *taurus* с сакральными именами реально приносимых в жертву животных *porcus, agnus, vitulus*. Дублетность форм свидетельствует не только о делении на молодых молочных и взрослых животных, но и о более глубоком делении лексики на профанную и сакральную. Второй ряд представлен в сакральном контексте, и эти имена широко используются в именовании божественного начала. Неслучайно в дальнейшем Христос зовется «Агнец Божий», т. е. налицо факт, что именование христианского Бога является преемственным к индоевропейскому культу жертвоприношения с двумя пластами лексики: сакральной и профанной. Так, сакральное имя *Italia* образуется от имени *vitulus*.

Лузитанская надпись создана в ознаменование жертвоприношения животных народом, называемым *Veaminicori*, которое они приносят богам, обращаясь к ним по их культовым титулам. *Doenti* является глаголом в значении «они приносят (дают)». Оставшаяся часть надписи (имена в винительном падеже единственного числа) обозначает приношение: *angom lamaticom, tadom porgom*; и имена получателей в дательном падеже единственного числа: *petranioi, caelobrigoi*. Как отмечает Джеймс Клаксон, этого немного, но достаточно, чтобы развеять все сомнения в индоевропейском происхождении лузитанского языка [9, р. 3]. Некоторые слова очень схожи с латинскими. Например, приносимый в жертву *porgom*, вероятно, означает поросенка (латинская форма единственного числа винительного падежа – *porcum*), и *angom*, означающая ягненка (латинская форма единственного числа винительного падежа – *agnum*). Глагольная форма *doenti* «они приносят (дают)» содержит корень *do* «давать», известный по эквивалентным формам в греческом (*do-*), латинском (*da*) и санскрите (*dā/d*). Надпись показывает совпадение с формами третьего лица множественного числа *-enti*, которое также обнаруживается в этих языках (диалектное греческое *-enti*, архаическое латинское *-nti* и санскритское *-anti*). Далее, окончание *-oi* совпадает с маркером дательного падежа единственного числа (греческое *ōi*, архаическое латинское *-oi*, санскритское *-ai*), и номинатив множественного числа *-i* согласуется с номинативом *-i* одного из латинских именных склонений [9, р. 3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в лузитанском языке представлены сакральные имена молодых молочных животных. В обряде жертвоприношения засвидетельствована шкала высокого стиля, тогда как в латинской поэме приводится сниженный регистр, имплицитный сакральный слой номинаций. Имя *Italia* относится как раз к торжественному сакральному слою лексики, но уже как имплицитное имя латинской молитвы богу Марсу.

В пропорциях имени инкорпорированы правила обращения с ним, которые изменяются от традиции к традиции. Этногонические тексты связываются с алфавитными представлениями индоевропейских народов, а также с ритуалами жертвоприношений. Обращает на себя внимание особая природа этногонических текстов, проливающих свет на происхождение народов. В одних случаях описывается географическая среда, в других – сами ритуалы. Имена собственные, т. е. этнонимы, имеют глубинную природу, определяемую особенностями ритуалов. Границы культур порождают те пределы, которые приводят к распознаванию узнаваемых паттернов, мигрирующих от культуры к культуре.

Литература

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс: Универс, 1995. – 453 с.
2. Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / пер. с фр. А.Б. Островского. – М.: Академический проект, 2008. – 520 с.
3. Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей: лингвистический и историко-филологический анализ / под ред. М.С. Кожуховой. – Изд. 3-е. – М.: Либроком, 2010. – 156 с.
4. Смирницкая О.А. Древнейшие рунические надписи как памятник протости-ха // Эпос Северной Европы: пути эволюции. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 35–68.
5. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
6. Тацит К. Анналы; Малые произведения / пер. с лат. А.С. Бобовича; под ред. Я.М. Боровского и М.Е. Сергеенко. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 512 с.
7. The Anglo-Saxon Chronicle: An Electronic Edition (Vol. 5) literary edition. – URL: <http://asc.jebbo.co.uk/bb-L.html> (accessed: 25.01.2021).
8. The Anglo-Saxon Rune Poem. – URL: <https://www.ragweedforge.com/rpaa.html> (accessed: 22.02.2022).
9. Clackson J. Indo-European Linguistics: An Introduction. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 260 p.
10. Crystal D. The Stories of English. – London: Penguin, 2004. – 584 p.
11. Lehmann W.P. A Gothic etymological dictionary. – Leiden: E.J. Brill, 1986. – 712 p.
12. Page R.I. Introduction to English Runes. – London: Methuen, 1973. – 237 p.
13. Watkins C. How to kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics. – New York: Oxford University Press, 1995. – 613 p.

Статья поступила в редакцию 25.01.2021.

Статья прошла рецензирование 18.04.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-317-331

ETHNOGENIC TEXTS IN THE INDO-EUROPEAN TRADITION

Proskurin, Sergey,

Dr. of Sc. (Philology), Professor,

Professor of the Chair of Intercultural Communication,

Institute of Humanities, Novosibirsk National Research State University,

1 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation;

Professor at the Chair of Foreign Languages, Faculty of Humanities,

Novosibirsk State Technical University,

20 K. Marx Avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7244-264X

s.proskurin@mail.ru

Proskurina, Anna,

Cand. of Sc. (Philology),

Associate Professor at the Chair of Foreign Languages,

Novosibirsk State Technical University, Faculty of Humanities,

20 K. Marx Avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9026-2511

a.vyacheslavovna@gmail.com

Abstract

This article examines the texts of the Indo-European tradition, which narrate about the myths of the origin of peoples. Thus, a segment of the Anglo-Saxon runic series correlates with Tacitus's description of the origin of the Ingevons tribe. As a result, the parameters of the ethnically derived text are reconstructed. The parameters explain the choice of the sequence of the runes of the Anglo-Saxon Futhork. The restored text testifies that the Ingevons, who had the totem deity *Ing*, lived on the shores of the Ocean, and this was their homeland. Ethnogenic texts also tell about the correlation of totem and ethnonym in past eras. The German influence on the choice of the ethnonym *Rus*, determined by the alliterative connection of the name of the country with the name of Rurikovich, has been explained. The Rurikovich themselves came from the name of the *Rhos* tribe.

Many ethnogenic texts are associated with sacrificial rituals. In this context, of interest is the name *Italia*, which takes its origin in the sacred texts of the high sacred style. The most ancient Indo-European inscription in the Lusitanian language, written in a high style and telling about the origin of the Veaminikori tribe, is analyzed. The choice of the names of sacred animals is contrasted with the profane names of the Latin prayer to the god Mars. The *suovetaurilia* prayer bears witness to the repertoire of sacrificial texts about dairy animals. As a result, it becomes clear that the name *Italy* is derived from the name *vitulus* in a high sacred style.

Thus, the thematic contours of Indo-European texts containing ethnogonic myths about the origin of peoples are revealed. The boundaries between cultures are erased, and the Indo-European prototext comes to the fore, giving impetus to the genesis of ethnonyms, the naming of totems, as well as the names of their own tribal leaders.

Thus, we can conclude that the sacred names of young dairy animals are represented in the Lusitanian language. In the rite of sacrifice, the scale of high style is attested. The name Italia refers precisely to the solemn sacred layer of vocabulary, but already as the implicit name of a Latin prayer to the god Mars.

In the proportions of a proper name, rules for handling a name are incorporated, which vary from tradition to tradition. Attention is drawn to the special nature of ethnogonic texts that shed light on the origin of peoples. Cultural boundaries can be the limit that generates recognizable patterns that migrate from culture to culture.

Keywords: ethnogonic text, myth of origin, context, culture, ethnonym, ritual, ethnos.

Bibliographic description for citation:

Proskurin S., Proskurina A. Ethnogonic Texts in the Indo-European Tradition. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 1, pt. 2, pp. 317–331. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-317-331.

References

1. Benveniste É. *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*. Paris, Éditions de Minuit, 1970 (Russ. ed.: Benvenist E. *Slovar' indoevropeiskikh sotsial'nykh terminov*. Moscow, Progress Publ., 1995. 453 p.).
2. Lévi-Strauss C. *Totémizm segodnya. Nepriruchennaya mysl'* [Le Totémisme aujourd'hui. La Pensée sauvage]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2008. 520 p. (In Russian).
3. Makaev E.A. *Yazyk drevneishikh runicheskikh nadpisei: lingvisticheskii i istoriko-filologicheskii analiz* [The Language of Old Rune Inscriptions]. Moscow, Librokom Publ., 2010. 156 p.
4. Smirnitckaya O.A. Drevneishie runicheskie nadpisi kak pamyatnik protostikha [Old Runic Inscriptions as Replica of Protostich]. *Epos Severnoi Evropy: puti evolyutsii* [The Epic of Northern Europe: the Ways of Evolution]. Moscow, MSU Publ., 1989, pp. 35–68.
5. Stepanov Yu.S. *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury* [Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 992 p.
6. Tacitus C. *Annaly. Mahye proizvedeniya* [Annales]. Moscow, AST Publ., 2010. 512 p. (In Russian).
7. *The Anglo-Saxon Chronicle*. An Electronic Edition (Vol. 5) literary edition. Available at: <http://asc.jebbo.co.ukbb-L.html> (accessed 25.01.2021).
8. *The Anglo-Saxon Rune Poem*. Available at: <https://www.ragweedforge.com/rpaa.html> (accessed 22.02.2022).

9. Clackson J. *Indo-European Linguistics: An Introduction*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 260 p.
10. Crystal D. *The Stories of English*. New York, Penguin, 2004. 584 p.
11. Lehmann W.P. *A Gothic etymological dictionary*. Leiden, E.J. Brill, 1986. 712 p.
12. Page R.I. *Introduction to English Runes*. London, Methuen, 1973. 237 p.
13. Watkins C. *How to kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics*. New York, Oxford University Press, 1995. 613 p.

The article was received on 25.01.2021.

The article was reviewed on 18.04.2021.